

На правах рукописи

КУРМАЕВА ИРИНА ИЛЬДАРОВНА

**МОДАЛЬНОСТЬ АНАЛИТИЧЕСКИХ ФОРМ
ГЛАГОЛА БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ
В АНГЛИЙСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ**

Специальность 10.02.20 – сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Казань – 2011

Работа выполнена на кафедре контрастивной лингвистики
и лингводидактики ФГАОУВПО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»

Научный руководитель – кандидат филологических наук, профессор
Мухаметдинова Роза Галеевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Арсентьева Елена Фридриховна

кандидат филологических наук, доцент
Ахметзянова Гульсина Римовна

Ведущая организация - ФБОУВПО «Нижегородский государственный университет» им. Н.И. Лобачевского

Защита состоится «28» декабря 2011г. в 10.00 на заседании диссертационного совета Д 212.078.03 по присуждению ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание при ФГАОУВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу: 420021, г. Казань, ул. Татарстан, 2.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. Н.И.Лобачевского при ФГАОУВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Электронная версия размещена на официальном сайте ФГАОУВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» www.ksu.ru

Автореферат разослан «___» ноября 2011г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
профессор

Мухаметдинова Р.Г.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертация посвящена сравнительному исследованию модальных значений аналитических форм глагола будущего времени *shall/will* + инфинитив в английском языке и *werden* + инфинитив в немецком языке.

Актуальность исследования. Время является одной из универсальных категорий присущих человеческому сознанию. Из традиционного тройственного деления объективного временного континуума на настоящее, прошедшее, будущее, именно категория будущего трактуется в философской и лингвистической литературе как наиболее сложная и неоднозначная. Это объясняется тем, что будущему присуща внутренняя связь с модальностью, что находит свое отражение и в языке.

В отечественном и зарубежном языкознании накоплен значительный объем исследований категории будущего времени как грамматической категории. Достаточно назвать имена таких видных лингвистов, которые занимались исследованием грамматического будущего времени, как: Л.С. Бархударов, Я.Г. Биренбаум, А.В. Бондарко, Й. Вайсгербер, В. Гумбольдт, О. Есперсен, Л. Зальтвейт, Б.А. Ильиш, Б. Комри, Е.А. Корнеева, Дж. Лайонз, А.И. Смирницкий, Г. Суит, Х. Фатер, Р. Хаддлстон и многие другие. Грамматические описания были в основном направлены на исследование проблемы включения форм *shall/will* + инфинитив в английский язык и *werden* + инфинитив в немецком языке в темпоральную парадигму. Трудность при установлении количества временных форм объясняется многими причинами, в частности, особенностями семантики и аналитическим характером форм будущего времени.

Разработанность категории грамматического будущего времени в английском и немецком языках позволяет нам сконцентрировать внимание на проблемах, связанных с функционированием модальных значений аналитических форм глагола будущего времени в языке. Связь аналитических форм глагола будущего времени с модальностью не вызывает сомнений: в английском языке семантика форм глагола будущего времени исторически модальна, в то время как в немецком языке категория будущего времени «перетянула на себя» (Л.В. Самуйлова) ряд функций, которые прежде принадлежали категории модальности, что вызвало дальнейшее развитие и совершенствование категории будущего времени и расширение ее функционального спектра. В

этой связи изучение семантического модального наполнения аналитических форм глагола будущего времени в родственных языках представляет особый интерес, поскольку позволяет сравнить результат развития одного и того же грамматического явления, выявить его общие и специфические черты. Таким образом, актуальность темы исследования определяется необходимостью детального анализа аналитических средств выражения универсальных категорий в языке. Одной из таких категорий является категория футуральности как составляющая полей темпоральности и модальности. Модальности аналитических форм глагола будущего времени как важной этнокультурной характеристике субъекта посвящена данная работа.

В свете вышеизложенного **целью** данной работы является сравнительное исследование модальных значений аналитических форм глагола будущего времени *shall/will* + инфинитив в английском языке и *werden* + инфинитив в немецком языке с точки зрения выявления общего и частного в их семантике, структуре и функционировании.

Для достижения поставленной цели нами были поставлены следующие **задачи**:

1. Проанализировать наиболее существенные философские и лингвистические концепции категории времени.
2. Разработать методологические основы исследования грамматической категории будущего времени исследуемых языков.
3. Охарактеризовать основную проблематику теории будущего времени как грамматической категории в английском и немецком языках.
4. Рассмотреть систему модальных значений аналитических форм будущего времени в английском и немецком языках.
5. Выявить общие и специфические характеристики модальных значений аналитических форм будущего времени глагола в сравнительном плане в английском и немецком языках.

Объектом исследования являются аналитические формы глагола будущего времени *shall/will* + инфинитив и *werden* + инфинитив.

Предметом исследования являются семантические особенности модальных значений аналитических форм глагола будущего времени *shall/will* + инфинитив и *werden* + инфинитив.

Поставленная в исследовании цель определила **методы исследования**. В исследовании модальных значений аналитических форм глагола будущего времени нами был выбран семасиологический подход, предполагающий анализ языковых единиц от формы к содержанию. В качестве частных методов анализа в работе применялись методы лек-

сико-грамматических полей, сравнительного и когнитивного анализов, также использовался статистический метод. Исследование проводилось преимущественно в синхронии с элементами диахронного анализа.

Материалом исследования послужили примеры из произведений английских и немецких писателей XIX-XX веков. Эмпирический материал отбирался методом разумной выборки.

Методологическую базу проведенного исследования составили положения, отраженные в работах:

1) отечественных ученых: В.Г. Адмони, Ю.Д. Апресяна, Л.С.Бархударова, Т.И. Беляевой, В.В. Виноградова Я.Г. Биренбаума, А.В. Бондарко, Е.В. Гулыга, М.М. Гухман, В.М. Жирмунского, Т.Н.Дешериевой, М.Н. Закамулиной, И.П. Ивановой, Б.А. Ильиша, Ф.И.Маулера, Л.В. Самуйловой, А.И. Смирницкого, Е.И. Шендельс, Г.С. Щура, В.Н. Ярцевой;

2) зарубежных ученых: О. Бехагеля, Х. Гельхауса, Х. Веккера, Г. Гийома, Х. Глинца, О. Есперсена, М. Итаяма, Б. Комри, Д. Лайонза, Дж. Лакоффа, Ф. Палмера, Г. Поутсма, Г. Рейхенбаха, Л. Зальтвейта, Р. Ултана, Х. Фатер, Л. Хагеман, Р. Хаддлстона, В. Юнга.

Научная новизна работы заключается в том, что модальность аналитических форм глагола будущего времени в английском и немецком языках отражает в своей семантике особенности менталитета культур исследуемых языков. Таким образом, впервые проводится сравнительное исследование модальных значений аналитических форм будущего времени *shall/will* + инфинитив и *werden* + инфинитив в английском и немецком языках с позиций когнитивной интерпретации выражаемого содержания.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что основные положения и результаты диссертационного исследования представляют значение в изучении взаимодействия языка и времени при описании картины мира; могут внести определенный вклад в исследования по общему языкознанию в целом и сравнительному языкознанию германских языков в частности, а также для разработки проблем языковых универсалий; могут быть применены в исследованиях по функциональной лингвистике для разработки методов и принципов сравнительного исследования грамматических категорий времени в родственных языках.

Практическая значимость работы заключается в возможности применения результатов исследования в практике преподавания английского и немецкого языков: при разработке учебно-методических

пособий по теоретической грамматике и практической грамматике английского и немецкого языков; могут найти применение при разработке спецкурсов по сравнительной типологии, теории модальности английского и немецкого языков, по грамматике текста; в лекционных и практических курсах по истории английского и немецкого языков и проблемам сравнительной грамматики родственных языков.

На защиту выносятся **следующие основные положения**:

1. У аналитических форм глагола будущего времени вырабатывается ряд универсальных значений, не свойственных сочетаниям, послужившим источниками данных форм.

2. Контекст является основным фактором, определяющим проявление темпоральных либо модальных значений аналитических форм глагола будущего времени в английском и немецком языках.

3. Наблюдается ряд качественных различий в спектре модальных значений аналитических форм глагола английского и немецкого языков.

4. Спектр модальных значений аналитических форм глагола будущего времени в немецком языке шире, чем спектр модальных значений аналитических форм будущего времени в английском языке.

В работе **языком-основанием** служат модальные значения аналитической формы глагола будущего времени английского языка *shall/will* + инфинитив и модальные значения аналитической формы глагола немецкого языка *werden* + инфинитив. **Языком-посредником** выступает русский язык.

Метаязыком описания в работе служит понятийно-терминологический аппарат, необходимый для анализа модальных значений аналитических форм глагола будущего времени, включающий в себя следующие термины: 1) функционально-семантическое поле темпоральности; 2) функционально-семантическое поле модальности; 3) микрополе футуральности; 4) категория будущего времени; 5) аналитическая форма.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования были отражены в 5 публикациях, а также представлены на VII Международной научно-практической конференции «Языковая система и социокультурный контекст в аспекте когнитивной лингвистики» (Чебоксары, 2010), международной научно-практической конференции «Проблемы прикладной лингвистики» (Пенза, 2010), на III международной научной конференции «Актуальные вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков» (С-Петербург, 2011). Основные положения диссертации докладывались на ежегодных кон-

ференциях молодых ученых Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета, обсуждались на заседаниях кафедры контрастивной лингвистики и лингводидактики Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета.

Структура диссертации. В соответствии с целью и задачами исследования работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии, списка источников и сокращений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении дается обоснование актуальности темы исследования, определяются цель и задачи исследования, указывается новизна, теоретическая и практическая значимость работы, формулируются основные положения, выносимые на защиту, определяется язык-основание для сравнения, язык-посредник и метаязык описания.

В первой главе «Теоретические основы изучения грамматической категории будущего времени» рассматриваются: философский и лингвистический аспекты категории времени в целом и категории будущего времени в частности; определяются структура функционально-семантической категории темпоральности и поля темпоральности, функционально-семантической категории и поля модальности, микрополя футуральности, грамматической категории будущего времени.

Время представляет собой одну из сложнейших комплексных проблем, которая, так или иначе, присутствует в рамках многих научных дисциплин: философии, естественных и гуманитарных наук. Время как философская категория обладает богатейшей исследовательской традицией. Объективное время в философии определяется как форма существования материальных процессов, характеризующая последовательность смены состояний их длительность и развитие. Традиционно выделяют физический, философский и лингвистический аспекты времени, «из которых первые представляют собой две стороны единого целого, а последний подчинен им, но имеет свою специфику» (Т.Н. Дешериева). Иными словами, под лингвистическим аспектом понимают способы выражения в языке объективного времени. Лингвистическое время также определяется как совокупность разноуровневых языковых средств, служащих для выражения временных отношений, представленных в виде функционально-семантической категории темпоральности, ядром которого являются временные формы глагола.

Понятие функционально-семантического поля является одним из центральных в функциональной грамматике и определяется как система морфологических, лексических и синтаксических средств языка, используемое для выражения данной семантической категории (А.В. Бондарко). В составе функционально-семантического поля темпоральности выделяется три микрополя: настоящее, прошедшее и будущее. Рассматриваемая нами грамматическая категория будущего времени лежит в основе микрополя будущего времени. В исследовании мы ограничиваем наш анализ первичными грамматическими средствами передачи будущего времени, а именно: аналитической формой Future Simple в английском языке и аналитической формой Futur I в немецком языке. Выбор только двух аналитических форм обусловлен как структурным сходством, так и наличием общих черт в истории их образования, а также функциональным критерием, который выражается в том, что рассматриваемые формы являются средством отнесения действия к будущему.

Темпоральность взаимодействует с функционально-семантической категорией модальности. Функционально-семантическая категория модальности базируется на функционально-семантическом поле модальности, состоящем из большого количества разнообразных значений и средств выражения, что дает возможность выделения макро- и микрополей. Микрополе предположения, входящее в макрополе недействительности является той областью, где происходит пересечение поля темпоральности, в частности, микрополя футуральности, и поля модальности, чем объясняется наличие модальных значений у аналитических форм глагола будущего времени.

Во второй главе «История изучения грамматического будущего времени в английском и немецком языках» представлена основная проблематика теории будущего времени как грамматической категории в английском и немецком языках; дается обзор основных концепций исследования форм shall/will + инфинитив и werden + инфинитив, а также проводится анализ различных точек зрения на семантический характер аналитических форм глагола в данных языках.

Принадлежность двух рассматриваемых языков к одному типу обуславливает наличие в истории формирования аналитических форм глагола будущего времени много общих черт. Поэтому такое исследование требует совмещения синхронного и диахронного подходов, так как «сфера употребления грамматических явлений и есть та сфера, в которой непосредственно происходит развитие грамматических явлений и через них всей грамматической системы. Но поскольку употреб-

ление и есть реальная форма существования ... грамматической системы в каждый данный момент, ее состояние в этот момент и динамика ее развития, синхрония и диахрония оказываются неразрывно связанными» (В.Г. Адмони). Внутренние факторы развития германской футуральной парадигмы связаны с понятиями синонимии, что выражается в возможности использования нефутуральных форм для отнесения действия к будущему и полисемии, т.е. способности употребляться в модальном значении. Что касается исследования аналитических форм глагола будущего времени в германских языках, то они в аспекте синхронии характеризуются разной степенью грамматизации инфинитивных конструкций, в ходе которой выбор из ряда вариантов в соответствии с коммуникативным заданием заменяется обязательным использованием, как правило, одного варианта, который включается в глагольную парадигму. Отмечаются следующие моменты сходства: процесс отбора одного сочетания из ряда инфинитивных сочетаний, способных по своей семантике относить действие к будущему, постепенное вытеснение конкурирующих сочетаний, а также переосмысление исходных значений глаголов, ставших компонентами форм, а именно статус аналитической формы не исключает выражения определенных модальных оттенков.

Неоднозначность сочетаний *shall/will* + инфинитив в английском языке и *werden* + инфинитив в немецком языке приводит к неопределенности статуса этих глаголов в грамматической системе. Лингвистами признается как их отнесение к различным классам (вспомогательные, модальные и полумодальные), так и объединенная трактовка, основанная на поиске единого общего категориального значения для всех функций данных глаголов. Последовательное разделение модальной и темпоральной функций рассматриваемых сочетаний при их функционировании неизбежно связано с привнесением в анализ субъективной оценки. В последнее время многие авторы склоняются к модально-футуральному описанию семантики и функционирования каждого из сочетаний.

В третьей главе «Сравнительное исследование модальных значений аналитических форм глагола будущего времени *shall/will* + инфинитив в английском языке и *werden* + инфинитив в немецком языке» анализируется функционирование исследуемых форм с позиции когнитивной интерпретации выражаемого содержания. Основные модальные значения, выражаемые в предложениях с аналитической формой будущего, в целом, как показывает наш анализ, весьма близки в двух языках. Вместе с тем, очевидно, наличие особенностей употреб-

ления модальных значений аналитических форм глагола будущего времени в каждом из рассматриваемых языков.

Оттенки субъективной решимости, решительного намерения, упорства на основании общего модального значения волеизъявления могут проявляться достаточно ярко, когда в позиции подлежащего в 1-ом грамматическом лице выражен активный субъект, обладающий интенцией и способностью к реализации своего намерения. Значение решительности естественным образом сочетается с намерением субъекта действия, совпадающего в этом случае с субъектом речи, осуществить задуманное. Все названные оттенки относятся к сфере субъективной модальности, причем степень субъективности в этом случае максимальна, поэтому при их выражении высказывания характеризуются сильной эмоционально-экспрессивной окрашенностью. Номинативный строй английского предложения, при котором субъект получает регулярное выражение в позиции подлежащего, благоприятствует выражению субъективных модальных оттенков с минимальной зависимостью от средств контекста: *The facts here re-stated by Le Soleil, are very far indeed from removing my doubts upon this subject and we will examine them more particularly hereafter in connection with another division of the theme* (E.A. Poe). Все рассмотренные нами случаи включают предикат действия, т. е. субъект контролирует ситуацию (полностью или частично). В следующем примере субъект речи намерен до конца выполнить свою задачу и его будущая активность ограничивается лишь достижением нужного результата: Интересно, что глагол *shall* в данном контексте также выражает решимость с оттенком упорства, хотя традиционно оттенок упорства проявляется у глагола *will*. Таким образом, в отличие от обещания с оттенком желания, обещание *shall* имеет значение внешнего долженствования: *Sam is child and I shall take him wherever I want. To Moscow, to Timbuctoo, to...* (G. Greene).

Однако *shall* в значении упорства, решимости не равен семантически сильной степени *will* волеизъявления: появляется дополнительный элемент - субъект столь сильно желает, чтобы что-то произошло, что даже не рассматривает возможность неосуществления этого. Субъект ожидает реализации этого, несмотря на любые события или действия, которые могут воспрепятствовать реализации. *She gave up caution. As long as she was cautious she would learn nothing. She said, - 'I shall do whatever he tells me to do'* (E. Waugh).

Следующим по распространенности актуализатором этого значения являются синтаксические средства - повтор и инверсия, усиливающие эмоциональную окрашенность высказывания: *Mrs Daintry ap*

peared behind him. She said, 'John, you damned old boring fool, I'll never forgive you for this - never. What the hell are you doing anyway in my house?' (G. Greene). При поддержке выразительных средств субъект речи может передать решимость и настойчивость, используя не 1-ое грамматическое лицо. Подлежащее предложения в таком случае не агентивно и его референт находится под контролем кого-либо из участников коммуникативной ситуации. Использование усеченной формы (без инфинитива) зачастую сигнализирует о более ярком выражении желания (согласия) и волеизъявления говорящего, демонстрируя чистое намерение поступать так, как решено, как того хочет говорящий: He said 'Cut down', and I've cut this whisky down by half. And I've told him that I'd drop the port. So I will for a week or two (G. Greene). Английские грамматики, противопоставляя будущее с shall/will другим футуральным средствам, в качестве одного из основных признаков указывают обозначение с помощью shall/will + инфинитив спонтанного решения, т.е. решения, принятого в момент разговора. В ситуации спонтанного решения субъект речи может выразить и чистое желание, обозначаемое глаголом will с преобладанием модального компонента значения: He said, 'If you will excuse me, I think I will have brandy,' and smiled raggedly, with an effort, watching the wine level fall (G. Greene). В этом случае модальное значение принадлежит плану настоящего, однако его исполнение относится к будущему, поэтому такие выражения не осмысливаются как отнесенные исключительно к настоящему.

Аналогично английскому будущему с will, аналитическая форма глагола немецкого будущего с 1-ым грамматическим лицом также способна приобретать оттенок решимости с 1-ым грамматическим лицом: 'Ich werde dich küssen und mich den Teufel um etwas scheren', erwiderte ich. 'Nein, du darfst nicht. Du darfst auch nicht mehr in meinem Bett schlafen (E.M. Remarque). Оттенок решительности поддерживается, в частности, лексическими единицами, обозначающими прекращение ранее выполнявшегося действия; кроме того, логическое обоснование, изложение причины также придает намерению субъекта оттенок решительности. Значение упорства ярче всего выражается при использовании с 1-ым грамматическим лицом конструкции «сопоставление действий», в которой один и тот же смысловой глагол повторяется в двух временных формах. Отождествление действий подчеркивает непрерывность и неопределенную длительность процесса. Глагол в форме будущего в этом контексте передает модальное значение уверенности в осуществлении действия. Видовой контраст становится

тем контекстом, который усиливает присущие различным временным формам значение: 'Du wirst es shaffen!' – sagte sie leise. 'Aber wenn du es geschafft haben wirst, werde ich nicht mehr bei dir sein' (C.B. Brown).

Вопрос о волеизъявлении, цель которого заключается в том, чтобы получить информацию о факте осуществления действия, при обращении ко 2-му лицу с целью выяснить его действия в будущем высказывание также приобретает оттенок желательности, поскольку предполагается выбор со стороны адресата (согласие/несогласие): 'We don't hate you,' said Roy. 'We're very fond of you. So will you stop hurting yourself?' (C. Snow). В немецком языке в нашем исследовании такой функции не выявлено. Форма werden + инфинитив в вопросительных предложениях почти всегда относится к будущему, поскольку вопросы редко совместимы с гипотетической функцией.

В основе намерения лежит определенное действие, которое субъект предполагает совершить. Причем в английском языке инициатором этого действия является сам субъект, в то время как в немецком языке действие направлено на объект: Du wirst es rasch lernen, Liebling (E.M. Remarque). Также отмечается семантическое сходство с модальным глаголом wollen. Сравнивая модальный глагол wollen и werden + инфинитив, М. Итаяма замечает, что последний несет большую информационную нагрузку и реальную возможность реализации действия. С 1-м лицом обычно связано выражение твердого намерения говорящего совершить действие: 'Fahr weg, Liebling. Ich werde schon allein damit fertig' (E.M. Remarque). Г. Гельхаус предлагает использовать тест для определения действительного намерения осуществить действие. Возможность продолжить высказывание с помощью предложения «das ist meine Absicht» (это мое намерение) сигнализирует о выражении данного значения (Г. Гельхаус). Обнаруженные нами примеры в английском языке немногочисленны, поскольку в большинстве случаев употребления с 1-м грамматическим лицом действие относится к будущему. Однако при реализации формального выражения намерения, желания в декларативных речевых актах такие случаи встречаются достаточно часто: I will write to Despard telling him I propose to reserve my vote (C. Snow).

Различное отношение к действию, позиция говорящего ярко отражаются при анализе высказываний с модальным значением обещания выполнить действие в последующем отрезке времени, т. е. ориентированы на будущее. Эти высказывания демонстрируют активную позицию говорящего, способного изменить ситуацию и ответственного за

свои действия. Количественный анализ нашей выборки показывает незначительное преобладание доли подобных высказываний в английском языке относительно соответствующего показателя для аналитических форм немецкого языка. Как правило, субъект речевого действия совпадает с субъектом физического действия, которое он обещает выполнить: 'Nie werde ich dieses Gesicht vergessen – nie werde ich vergessen, wie es sich dann zumir neigte, wie es Ausdruck gewann, wie es sich schweigend erfüllte mit Zärtlichkeit und Zartheit, mit einer leuchtenden Stille, als erblühe es – nie werde ich vergessen, wie ihre Lippen mir entgegenkamen, wie ihre Augen sich den meinen näherten, wie sie dicht vor mir standen und mich ansahen, fragend, ernst, groß und schimmernd – und wie sie sichdann langsam schlossen, als ergäben sie sich – (E.M. Remarque).

Угроза рассматривается как более эмоциональное обещание совершить какое-либо действие. В английском языке оно приобретает оттенок торжественности: 'I shall never, - I know that I shall never be satisfied with regard to the nature of my conceptions' (E.A. Poe). Оттенок угрозы выражается формой werden + инфинитив либо во 2-ом грамматическом лице, либо в безличном предложении. Глагол в будущем времени чаще всего не называет само действие субъекта речи, являющееся опасным для адресата и способным его напугать. Непосредственно презентуются либо следствия данного неназванного действия, либо намерение говорящего совершить действие, которое может стать причиной его страданий: 'Tun Sie das nur. Das wird die grösste Blamage Ihrer anfdahn werden!' - rief Dr. Schumann dazwischen (M. Fischer).

Что касается предписаний, которые реализуются в утвердительных предложениях с подлежащим 2-го лица, то их отнесение к разновидностям модального значения трактуется неоднозначно. Они используются для того, чтобы побудить адресата к действию, поэтому О. Есперсен связывал такое употребление с will, выражающим волеизъявление. Дж. Лайонз, в свою очередь, назвал эту функцию «приказом с помощью предсказания»: 'You will be my witness', the priest said. 'I haven't been in Carmen. But if you mention me, they'll give you food' (G. Greene). Контекст предписания приближен к функции императива, когда говорящий использует форму будущего времени как смягченный грамматический синоним повелительного наклонения, поскольку его социальная роль или общий характер коммуникативной ситуации не предполагает ответного отказа или неповиновения. Реализация этой функции у немецкого будущего также обусловлена многими факторами. В первую очередь тем, что в этом значении могут употреб-

ляться лишь глаголы, обозначающие действие лица: *Er kommt nachts, du wirst ihn vor dem Haus erwarten! Du wirst hier bleiben und auf uns warten!* (Е.М. Remarque). Для выявления данного значения необходима транспозиция в другие речевые условия императива: прямая речь, побудительное предложение, повелительная интонация. Транспозиция *werden* + инфинитив в другие временные сферы, а именно в сферу императива, объясняется тем, что императив – это сфера еще не состоявшихся действий. Его соотносительность с планом прошедшего времени невозможна, поскольку побуждение к действию всегда ориентировано на будущее. Стоит отметить, что по степени категоричности форма будущего времени значительно уступает императиву, однако в такой коммуникативной ситуации они вполне взаимозаменяемы. Как и в собственно императиве, одним из ведущих компонентов модального значения здесь является долженствование. Приведенный выше пример из немецкого языка легко трансформируется в модальное высказывание: *Du musst hier bleiben und auf uns warten*. Довольно частым явлением при транспозиции в сферу повелительного наклонения становится употребление модальных слов - *vielleicht, hoffentlich*. В этом случае побуждение принимает оттенок просьбы: *Vielleicht wirst du hier bleiben und auf uns warten*.

Основным средством выражения субъективного отношения говорящего к содержанию высказывания являются модальные слова. Наш анализ показывает наличие некоторых особенностей контекстуального взаимодействия этих единиц с формой будущего времени. Названные единицы выступают в таком контексте как показатели вероятности (степени убежденности субъекта высказывания), и тем самым выполняют свою основную функцию – демонстрируют объем знаний говорящего на момент речи, позволяющих ему делать определенные выводы относительно вероятности наступления будущей ситуации. Выбор модального слова зависит от качеств субъекта, от его способности контролировать ситуацию. Следовательно, будущее в таких контекстах предстает прогнозируемым, а прогноз – (логически) обоснованным доступной субъекту высказывания информацией о настоящем положении дел, включая свойства участников ситуации, логику развития ситуации, выводимую из ряда параметров, а также, его фоновые знания. В этих высказываниях субъект действия не совпадает с субъектом речи (поскольку относится ко 2-му или 3-му лицу). Благодаря особенностям выражаемого содержания формы будущего естественным образом сочетаются со многими модальными словами, которые выражают различное отношение говорящего к действию как возможному,

неизбежному, маловероятному, желательному и т.п. При описании реализации в английском языке данного типа предложений, зависимых от модальной установки, целесообразно выбрать семантическую классификацию модальных слов английского языка. Исходя из номинативной сущности модальных слов можно вывести их семантические типы в зависимости от отношения номинатора к объекту. К первому семантическому типу принадлежат модальные слова, выражающие рациональную оценку. По структуре их значения они подразделяются на четыре семантические подтипа: (1) модальные слова со значением уверенности (*certainly, sure, surely, naturally, definitely, doubtless, undoubtedly* и модальная фраза *of course*), (2) модальные слова со значением очевидности (*really, actually, indeed, obviously, evidently, absolutely*), (3) модальные слова со значением вероятности (*probably, apparently, likely*) и (4) модальные слова со значением сомнения (*maybe, perhaps, possibly, unlikely*) (А.О. Романова). Второй семантический тип включает модальные слова, передающие эмоциональную оценку номината со стороны говорящего. В зависимости от характера передаваемой ими эмоциональной оценки модальные слова подразделяются на два семантических подтипа: слова, выражающие (1) положительное и (2) отрицательное отношение номинатора к объекту (*соответственно, fortunately, luckily, happily etc. и unluckily, unfortunately etc.*) В нашей выборке отмечено употребление формы будущего времени со словами исключительно первого семантического типа, что объясняется, по-видимому, характером будущего действия как еще не реализовавшегося. Данная особенность будущих действий исключает их оценку как «удачных» и «неудачных» для говорящего, поскольку такая оценка предполагает некоторый результат. Это же характерное свойство будущих действий исключает сочетание форм будущего с модальными словами со значением очевидности. Таким образом, вполне предсказуемо, что в высказываниях о будущем встречаются модальные слова со значениями уверенности и сомнения, а также вероятности.

В предложениях с *shall/will* + инфинитив в значении будущего нами отмечено значительное преобладание слова *perhaps* (41,2%), однако на предложения с подлежащим в 1-ом грамматическом лице приходится лишь 16 случаев с *perhaps* из 81 примера нашей выборки. Прочие модальные слова и модальные фразы имеют следующую частотность: *certainly* (15,7%), *probably* (13,7%), *of course* (10,2%), *no doubt* (8%), *sure* и *surely* (6%), *certain*, *possibly*, *likely* (все менее 5%). В выборке на английском языке обращает на себя внимание разнообра-

зие и более высокая частотность модальных слов и фраз со значением уверенности (certainly, of course, no doubt, sure, surely, certain), которые употреблены в 41,2% случаев в данном контексте. Это равно количеству примеров употребления слова perhaps со значением сомнения и значительно превышает частотность показателей вероятности (probably, possibly, likely).

Если ограничить выборку предложениями с подлежащим в 1-ом грамматическом лице, картина существенно изменится. Perhaps (31%) уступает по частотности certainly (46,2%), при этом суммарная доля модальных слов и фраз со значением уверенности (certainly, sure, of course, no doubt) становится значительно выше - 61,5%). Таким образом, в английском языке субъект высказывания реже, чем в немецком, использует модальные слова для выражения своих сомнений относительно собственных будущих действий. При этом другой способ выражения значений сомнения и неуверенного предположения - вводные предложения I think/suppose/doubt, которые, как уже отмечалось, в английском употребляется гораздо чаще, - не заменяет полностью, а лишь частично дополняет модальные слова со значением сомнения в контекстах с 1-ым лицом. Такая конструкция гораздо реже используется для выражения мнения субъекта речи относительно 1-го лица, т.е. самого себя или группы лиц, включающей самого говорящего (11 случаев на 1000 против 54 для 2-го и 3-го лиц). Разговорная формула I think (I don't think) I will вообще не передает значений сомнения и неуверенности, а употребляется для менее категоричного выражения желания и предпочтения, согласия или несогласия с предложением собеседника. В этой формуле очень четко выступает модальное значение will. Кратко проанализируем статистические данные для двух языков. В английском языке shall/will + инфинитив в значении будущего употребляются в контексте с модальными словами несколько чаще, чем werden + инфинитив в немецком. Количественные данные приводятся относительно общего числа отмеченных контекстов соответственно для каждого языка. Так, в немецком языке аналитические формы будущего времени чаще, чем в английском, употребляются с модальными словами, когда подлежащее выражено 1-ым лицом (32% против 25,5%). Это, возможно, объясняется большей относительной распространенностью в английском других показателей уверенности или предположения со стороны субъекта речи - вводных предложений типа I think, I suppose, I am sure/certain, etc. Они сопровождают shall/will + инфинитив в значении будущего в 68 случаях из 130, т.е. в 2 раза чаще, чем модальные слова. И.П. Иванова считает,

что по содержанию такое главное предложение очень близко к вводным предложениям модального содержания, при этом «основное суждение содержится в придаточном, а главное - только выражает отношение говорящего к своему высказыванию». Являясь лексическими выражениями модальности, такие вводные предложения могут выражать как уверенность, так и сомнение, неуверенность, смягчение категоричности. С формой аналитического будущего во 2-м лице модальные слова встречаются в двух языках в примерно равной пропорции (17,6% в английском и 16,3% в немецком). Однако в английском языке при употреблении будущего со 2-м лицом гораздо выше частотность одного слова - *perhaps*. Кроме того в случаях, когда подлежащим является 2-е лицо, высказывание зачастую (около половины всех случаев) представляет собой не гипотетическое предположение, а косвенный речевой акт просьбы, совета, предложения или риторический вопрос, поскольку реализация названного действия зависит от адресата речи: *Now perhaps you will go - go away altogether. You're no good any more to anyone* (G. Greene). Рассматривая индивидуальную частотность употребления модальных слов в немецком языке, следует отметить отсутствие слишком резкого преобладания отдельного модального слова, а также примерно равные пропорции употребления большинства модальных слов в предложениях с разными грамматическими лицами. Наиболее частотными в нашей выборке являются *vielleicht* (может быть) (25%), *wohl* (по-видимому) (19%). Прочие вводные слова встретились менее чем в 5% примеров.

Например, употребление наиболее частотного в нашей выборке из английского языка модального слова *perhaps* сигнализирует о том, что вывод субъекта речи основан на недостаточном знании, которое состоит, в основном, из знания обычного положения вещей или качеств участников ситуации. Семантика *probably* включает компонент отнесенности в будущее, гипотетичности, в то же время наступление некоторой ситуации в будущем в этом контексте рационально объяснимо. Высказывания с *perhaps* могут иметь оттенок желательности (надежда) и выглядеть как простое предположение (если ситуация не контролируется субъектом); высказывания с субъектом действия, выраженным 1-ым лицом множественного числа или 2-ым лицом, могут представлять собой некатегоричную (неуверенную) просьбу или (скрытое) предложение: *And perhaps, father, in a few years we shall see you again* (G. Greene). Хотя субъект речи в таком случае имеет определенные знания относительно характера, свойств субъекта действия, он не может быть уверен в истинных мотивах его действий, не обладает

информацией относительно непосредственной причины того, а не иного действия. Нередко такая ситуация представлена как одно из очень вероятных следствий конкретного действия субъекта, выраженного 2-м лицом (предложение оформлено как условное): *That way the girl will probably talk to you if she knows his whereabouts...* (G. Greene). Модальное слово *probably* в отличие от модального слова *perhaps* всегда относится к грамматическому предикату и, как правило, занимает замкнутую позицию между компонентами формы *Future*.

При употреблении модального слова *vielleicht* в немецком будущее действие (нередко желательное) представляется как равновероятное с другими возможными исходами: *‘Vielleicht wird sie auch ein Sieges oder Freiheitsfest’ - warf Igelbrink ein.* (V. Bredel); а *wohl* указывает на повышенную степень вероятности одного из путей развития относительно других.

Когнитивный фактор является необходимой составляющей ситуации при актуализации значения уверенности в ситуации предсказания. Основой при определении степени уверенности субъекта речи в будущем событии во многих случаях является его опыт, представленный в речи как обоснование для суждения. Будущее суждение может быть также представлено как логический вывод из изложенных говорящим постулатов, свидетельствующих о его знаниях относительно установленного порядка отношений в данной области, о нормах поведения, о типичных действиях участников ситуации и знание о прошлых событиях в схожей ситуации: *Später wirst du eine Frau sein und wirst heiraten, sagte die Mutter* (L. Frank). Поскольку суждения о будущем всегда строятся на основе некой когнитивной базы субъекта, лексический контекст проясняет для читателя или слушателя, из чего исходил говорящий, предсказывая, предполагая или утверждая то или иное будущее действие. Знания говорящего можно характеризовать как стереотипные, когда речь идет об убеждениях, сформированных этнической, социальной или иной группой и усвоенной ее представителями (такие знания проверены достаточно длительным коллективным опытом). С другой стороны, знания говорящего могут иметь более частный характер, являясь результатом личного опыта и информированности субъекта речи. Здесь мы выделяем оттенки субъективной убежденности, предсказания и пророчество. Субъективная убежденность в отличие от уверенности, основанной на знании и логическом анализе настоящей ситуации и прошлых событий, является таким ментальным состоянием, которое базируется на вере как в собственные силы так и в некоторую внешнюю логику развития. Де-

монстрируя веру в то, что действие обязательно произойдет, говорящий исключает возможность альтернативного исхода ситуации или имплицитно подразумевает обязательность, неизбежность результата: The boy strangled a yawn against the whitewashed wall. He said wearily, - 'Is he really a saint?' 'He will be, one day soon, when the Holy Father pleases.' (G. Greene). 'Ich werde sagen, Herr Grundeis hat mir hundertvierzig Mark gestohlen. Und niemand wird es mir glauben. Und der Dieb wird sagen, das sei eine Frechheit von mir, und es wären nur drei Mark fünfzig gewesen. So eine verdammte Geschichte!' (E. Kästner). Следует отметить, что и при наличии логического обоснования говорящий также может выражать свою субъективную эмоциональную убежденность с помощью лексического контекста (образные средства, идиоматические выражения и т.п.). В следующем примере субъект высказывания заменяет прямое выражение уверенности I am sure на развернутое, но более образное выражение с логикой «от противного», что вносит яркий элемент субъективности, поскольку это мнение принадлежит лично говорящему: 'I don't suppose for a moment that anything we can do will make a pennyworth of difference, once he's made up his mind' (Snow). Категорическая убежденность говорящего, видимо, имеет какие-то основания, однако их эксплицитное изложение в таком контексте не предполагается: I suppose it takes time for true democracy to work. That kind of democracy will never work (G. Greene). Субъективная убежденность в реализации определенного действия в будущем нередко проявляется как игнорирование возможных препятствий, отказ от учета обстоятельств или же, как предрешенность результата: Du brauchst keine Angst Haben, wirklich nicht! Der Herr Doctor wird dir schon helfen (M. Fischer). В следующем примере товарищи пытаются подбодрить умирающего в госпитале солдата, убеждая его в том, что он вернется домой: 'Du wirst ja nun nach Hause kommen' ... (E. M. Remarque). В следующем примере высказывается убежденность в невозможности вернуть былое, которое основано на естественном ходе событий: Sie werden den Zeiger der Uhr nicht zurückdrehen (G. Hauptmann). Степень уверенности говорящего в осуществлении предполагаемого им будущего действия может достаточно сильно колебаться от контекста к контексту. При этом шкала уверенности, как уже упоминалось выше, имеет достаточно нечеткую градацию. Помимо специализированных средств выражения степени уверенности, рассмотренных нами, существуют многочисленные комбинации различных контекстуальных средств, способствующие проявлению этого значения в той или иной степени. Поскольку суждения о будущем все-

гда строятся на основе некой когнитивной базы субъекта, лексический контекст проясняет для читателя и слушателя, из чего исходил говорящий, предсказывая, предполагая или утверждая то или иное будущее действие. Основой для более уверенного предсказания служит внимание к фактам и событиям настоящего и прошлого, что позволяет строить вероятностные картины развития, выявлять тенденции и применять к ситуации знание объективных связей и закономерностей.

Наиболее убедительными для адресата являются предсказания, построенные на основе знаний объективного характера. Это может быть знание настоящей ситуации, мотивов и соотношения сил ее участников, что позволяет делать определенные логические выводы: *You will have to change the character of your society in twenty years, said Sir Horace, with a sudden dart of energy and fire. History will make you. Life will make you. You won't be able to stop it, Dr Jago...* (C. Snow). Предсказывая будущую ситуацию, говорящий может демонстрировать субъективную уверенность эмоционально. Эти эмоции являются результатом ранее сложившейся убежденности в наличии строго определенной тенденции развития.

Предсказание максимально субъективно, поскольку обязательным образом включает в себя предположение, мнение или оценку субъекта; даже если адресату предсказанное событие может показаться маловероятным, субъект предсказания представляет его обязательным в своем «альтернативном мире», построенном на основе своей когнитивной базы: *'Poor Freda',- said Ivor. 'Poor Freda. She'll be an old dog by the time I see her again'* (E. Waugh). *Du kannst machen, was du willst, sagte ich, du wirst nie hässlich sein* (E.M. Remarque). В целом значение предсказания, будучи наиболее тесно связанным со значением будущего, является наименее контекстно-зависимым. С другой стороны, оно включает весьма широкий ряд потенциальных оттенков, которые конкретизируются лексическим контекстом.

Особой разновидностью предсказания, своего рода сильной его формой, является пророчество, когда говорящий делает особый акцент на том, что данное событие произойдет, обязательно сбудется указанным образом. Такое предвидение носит иногда несколько фаталистический характер, в других же случаях оно является вполне логичным и основанным на определенных данных, позволяющих с такой уверенностью заранее сказать, что так именно произойдет в будущем. Контекстуальные условия и признаки для реализации значения пророчества в двух языках практически одинаковы, что объясняется естественным характером выражения этого значения формами буду-

щего времени глагола: Die Jahre werden zerrinnen, und schliesslich werden wir zugrunde gehen (E.M. Remarque).

В заключении излагаются основные выводы проведенного исследования, обобщаются результаты проделанной работы.

Восприятие будущего в определенной модальности - волеизъявление и долженствование (в английском языке), либо предположение (в немецком языке) является важной этнокультурной характеристикой субъекта и языковой общности в целом. Особенность аналитической формы глагола будущего времени в английском языке предполагает расчлененность самого действия и позиции субъекта по отношению к нему при обозначении будущих действий в языке. В соответствии с этим субъект является инициатором действия. Значительный смысловой акцент на субъект приводит к ослаблению позиции объекта в глубинной структуре. Аналитическая форма будущего времени немецкого глагола также нередко представляет действие расчлененно, что предположительно объясняется и природой самой аналитической формы. Однако, по нашим наблюдениям, содержание такого расчлененного представления действия в немецком языке несколько иное. В предложениях с аналитической формой будущего в немецком языке акцент падает на само действие с объектом и изменение последнего.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях автора:

**Научные статьи, опубликованные в изданиях,
рекомендованных ВАК РФ:**

1. Курмаева И.И. Категория футуральности: темпоральные и модальные особенности английской формы Future Simple / И.И. Курмаева // Казанская наука. – 2011. - №8. – С. 167-171.

2. Курмаева И.И. Соотношение лингвистического и нелингвистического времени / И.И. Курмаева // Вестник КГФЭИ (25). – 2011. - №4. - С. 108-111.

**Статьи в сборниках научных трудов и материалов
конференций:**

3. Курмаева И.И. Глаголы shall и will в английском языке / И.И.Курмаева // Актуальные вопросы когнитивной лингвистики: сб. науч. ст. по материалам VII Международной научно-практической конференции «Языковая система и социокультурный контекст в ас-

пекте когнитивной лингвистики» / отв. ред. Н.Ю. Шугаева, Н.В.Кормилина. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2010. – С. 147-150.

4. Курмаева И.И. Будущее время в английском, немецком, русском языках: диахронический аспект / И.И. Курмаева // Проблемы прикладной лингвистики: сборник статей Международной научно-практической конференции / под. ред. А.П. Тимониной. – Пенза: Приволжский дом знаний, 2010. - С. 151-153.

5. Курмаева И.И. Семантическая связь аналитических средств выражения категории будущего времени в английском и немецком языках / И.И. Курмаева // Актуальные вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков: статьи и материалы третьей международной научной конференции: Том 1. – СПб.: ГПА, 2011.– С. 59-61.
